

Современная стратегия США и НАТО на Украине

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Участие США и членов западной военно-политической коалиции в противоборстве с Россией на украинском ТВД ставит прежде всего вопрос о характере этого конфликта, который некоторые участники называют силовым противоборством, кто-то войной, а кто-то просто конкуренцией. Тогда теряется сам смысл победы в военном конфликте и смысл осуществления эффективной военной стратегии. Если цель военной стратегии не очевидна, то и сама стратегия становится абстрактной.

Так, публично заявляя о вводе войск на Украину, президент Э. Макрон сразу же оговорился, что Франция «не участник конфликта и не воюет с Россией», что «ядерное оружие не инструмент политики» и т. д., сознательно дезинформируя своих союзников и противников о характере современного вооружённого противоборства на Украине.

Война в современной трактовке

Из долгосрочной стратегии Запада просматривается совершенно определённая структура развития военного конфликта в условиях развития базового сценария международной и военно-политической обстановки, где доминирующий вари-

ант – стратегия эскалации военно-силового давления на Россию.

Это несоответствие современным реалиям отмечают многие как в России, так и за рубежом.

Так, канадский эксперт В.В. Таки пишет: «Невозможность вписать

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО МИД России – Концерна ВКО «Алмаз-Антей». *E-mail:* podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: военная стратегия, военное противоборство, Россия, США, НАТО, Украина.

Рис. Наиболее вероятный вариант развития базового сценария ВПО на украинском ТВД в 2024–2025 гг.

нынешний конфликт в привычную для европейской и российской истории парадигму войны и мира объясняется не только эрозией смысловых границ между этими двумя состояниями, но и всё большей размытостью привычных контуров самой войны. Со всеми огорками, генеральное сражение или наступательная операция занимали в европейской кампании центральное место.

Все аспекты военного планирования и самих боевых действий, так или иначе, подчинялись цели нанести поражение армии противника в таком сражении, вне зависимости происходило оно в течение одного дня на поле, обозреваемом с вершины холма, или растягивалось на многие недели/месяцы и направлялось командованием лишь посредством карт и средств связи.

Сражение или военная операция предполагали победу или поражение, причём и у участников боевых действий, и у сторонних наблюдателей, как правило, не было сомнений ни относительно исхода битвы, ни относительно возможности отличить победу от поражения» [1, 2].

Его принципиальный вывод: «Мы наблюдаем ещё одно важное отличие нынешнего конфликта от европейских войн конца XVIII, XIX и первой половины XX в. Он не только

являет собой неудачу наступлений и попыток нанести противнику решительное поражение на поле боя, но и демонстрирует практически неограниченное пространство для репрезентативной манипуляции реальным положением, складывающимся «на земле».

Принимая во внимание невозможность решительного исхода боевых действий, обусловленную соотношением противоборствующих сил и состоянием военных технологий, а также преобладание медийно-политического компонента конфликта над его собственно военной составляющей, можно сделать вывод о необходимости пересмотреть сам смысл победы и поражения. Другими словами, о победе может говорить сторона, которой удаётся придать конфликту наиболее комфортный для неё характер» [2].

В частности, это возможность сохранить темпы социально-экономического развития и роста ВВП в условиях войны. Или реализовать другие цели государственной стратегии или национальной стратегии [3].

Применительно к России – это угроза неизбежных сокращений расходов на социальные нужды и увеличение эмиграции на Запад. Неслучайно В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию России (28 февраля 2024 г.) сделал акцент

¹ Whitman J.O. Verdict of Battle: The Law of Victory and the Making of the Modern War. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 300.

² Таки В.В. Принуждение к равенству // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prinuzhdenie-k-ravenstvu/>

³ Подберёжкин А.И., Тулик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии: Сборник материалов военно-научной школы. М.: ВАГШ ВС РФ, 2024.

на темпах развития ВВП и демографии [4].

Иными словами, В.В. Таки достаточно определённо обратил внимание на логическое несоответствие и внешне очень противоречивые внешнеполитические и военные цели западной коалиции, которые нередко противоречат друг другу «в одном предложении» в войне против России, а именно: война, с одной стороны, традиционное и понятное из истории человечества средство уничтожения противника, но с другой – противника в современных условиях в силу военно-технических и иных особенностей (в частности, обладания им ЯО) нельзя уничтожить.

Современная война – это средство создания максимально благоприятных условий для развития.

Применительно к войне на Украине, это «средство» предполагает в том числе:

- ограничение экспортных возможностей страны (пример – «Северный поток» и поставки углеводородов США в Европу);

- сдерживание развития науки, культуры и образования, отток человеческого капитала и др.;

- сдерживание технологического развития (санкции);

- ограничения на темпы социально-экономического развития и внешнюю торговлю.

Естественно, что у членов широкой западной военно-политической коалиции против России цели внешней политики полностью не могут

совпадать, в том числе и главная цель – сдерживание развития и развал России. Анализ позиции союзников и партнёров Украины (реальных и потенциальных), входящих в эту коалицию против России на стороне Украины, и вероятные формы их участия в военно-силовом противостоянии с Россией^{*}, будет не полным, если ограничиться исследованием позиции только тех субъектов мировой политики, которые традиционно рассматриваются в качестве главных союзников Украины – США и страны – члены НАТО.

Феномен современной войны на Украине заключается в том, что помимо главных союзников США удалось привлечь в коалицию, ориентированную на длительный срок противостояния с Россией, значительное число других субъектов. Налицо концентрация совокупной мощи Запада и зависимых от него акторов. Если согласиться, что общей целью такой коалиции является противодействие развитию России и создание благоприятных условий для собственного развития, то понимание общей цели и участие в её достижении будет разным у всех участников. Если для США, например, смысл заключается в том, чтобы заставить своих союзников-конкурентов максимально участвовать в войне, ослабив их позиции в мире, что объективно укрепляет роль США в новом миропорядке, то у многих союзников такой цели быть не может.

Важно помнить, что современная политическая цель противостояния с

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

^{*} Военно-силовое противостояние на Украине – использование широкого спектра силовых – собственно военных и не только военных – способов, сил и средств.

Россией – экзистенциальная (стратегическая и радикальная) – уничтожение в конечном счёте суверенитета и территориальной целостности, а до этого – ослабление России и установление контроля над её политикой и ресурсами. ВСУ отводится роль непосредственного военного исполнителя (но это только одно из силовых средств Запада), с помощью которых предполагается уничтожить государство, экономику и общество [5].

Либерально-глобалистская идеологическая цель не предполагает промежуточных (прагматических или реалистических) итогов*, кроме поэтапного ослабления и развала России, что требует концентрации не только ресурсов США и их союзников, но и других субъектов и акторов. В этом смысле 2024 г. станет годом концентрации усилий всей западной коалиции для того, чтобы обеспечить не только ВСУ, но и всю коалицию необходимыми ресурсами для борьбы с Россией.

Эту стратегию подтверждает сравнение Путина с Гитлером, а России с гитлеровской Германией Дж. Байденом в его обращении к конгрессу (7 марта 2024 г.), в котором с точки зрения постановки политической и военной задачи противостояния с Россией тема войны была поднята на максимальной высоте: «Никогда со времён пре-

зидента Линкольна и гражданской войны свобода и демократия не подвергались такому нападению здесь, дома, как сегодня. ...Свобода и демократия находятся под угрозой одновременно как внутри страны, так и за рубежом. За границей российский Путин марширует, вторгаясь на Украину и сея хаос по всей Европе и за её пределами. Если кто-то... думает, что Путин остановится на Украине, то, уверяю вас, он этого не делает» [6].

Поэтому в период 2024–2030 гг. России предстоит решить задачу уже не просто военной победы, но и собирания и увеличения национальных ресурсов, т. е. опережающего социально-экономического развития, которое в конечном счёте обеспечит национальное выживание в условиях резкого ухудшения международной и военно-политической обстановки [7].

Надо признать, что подобная внешнеполитическая стратегия США достаточно прагматична и во многом реализована в 2022–2023 гг.: Штатам удалось сформировать широкую военно-политическую коалицию, в которую на разных условиях и при разной степени внешнеполитического давления со стороны США вошло более 50 государств [8]. Естественно, что их участие на стороне Украины разное, но

⁵ National Military Strategy of the United States. 2022 // URL: <https://www.jcs.mil/Portals/36/NMS%202022%20-%20Signed.pdf>

⁶ Полная стенограмма послания Дж. Байдена «О положении в Союзе». 08.03.2024 // The New York Times // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.579891a2-66152549-00a817ad-74722d776562/https://www.nytimes.com/2024/03/08/us/politics/state-of-the-union-transcript-biden.html?__ya_mt_enable_static_translations=1

⁷ Подберёзкин А.И. Будущее миропорядка до 2035 года // Обозреватель–Observer. 2023 № 6. С. 25.

⁸ Коголов С. США создали коалицию из 54 государств для накачки Украины оружием // Российская газета. 2024. 30 января.

* Разница в подходах Дж. Байдена и Д. Трампа к стратегии против России – в подходах правящей элиты США – либерально-глобалистской (идеологической) и автаркией (прагматической). Значение автаркии – самодостаточность (самообеспеченность).

тем не менее в 2024 г. можно говорить уже об этой коалиции в целом как о некоем международном субъекте, формирующем военно-политическую обстановку на длительную перспективу.

Это следует из встреч на Мюнхенской конференции (февраль 2024 г.) и подписанных рядом стран с Украиной соглашений как минимум на 10 лет.

США, правда, не удалось, как было прежде, объединить все силы. Более того, безусловным успехом России стало то, что фактически появилась коалиция «Юг», противостоящая Западу.

Важно вычленить особенности этой коалиции и специфику позиций входящих в неё стран – самостоятельных субъектов военно-политической обстановки (ВПО) – по отдельным вопросам военной стратегии.

Во-первых, эти страны представляют собой очень разные субъекты международных отношений (МО) и ВПО*, а *во-вторых*, их позиции мо-

гут существенно отличаться друг от друга. *В-третьих*, их субъектность в вопросах военной политики вызывает сомнение.

В этой связи неизбежно возникает необходимость попытаться рассмотреть эти субъекты и другие субъекты западной коалиции как в качестве относительно самостоятельных объектов для анализа, так и выделить некую общую позицию, точнее – единую стратегию Запада, которая едина (в той или иной степени) в отношении Украины и России. Также очень важно, чтобы основная мысль внешнеполитической и военной (главная идея) стратегии Запада не была потеряна в многочисленных, часто прямо противоречивых суждениях и мнениях политиков и СМИ. В частности, многочисленных публичных заявлений в начале 2024 г. руководителей правительств, внешнеполитических ведомств и министров обороны стран Запада о готовности (необходимости подготовки) войны с Россией и разного рода спекуляций о применении ЯО.

Возвращение к эпохе «больших войн»?

Существует немало общих оценок состояния ВПО в мире и на Украине, в том числе политики и стратегии отдельных стран на начало 2024 г., однако большинство из них не является переосмыслением принципиальных изменений в военных стратегиях государств, которые произошли в ходе СВО, в частности:

- необходимости полного пересмотра важнейших положений военной стратегии и науки о войне;
- возвращения к «большой войне», от которой отказались в последние десятилетия в пользу манёвренных малых войн;
- отсутствия значимых военных ресурсов – вооружений, военной и

* Отчётливо просматривается разница в политике на украинском ТВД таких субъектов коалиции, как Австралия, Албания, Венгрия и целый ряд других государств, включая её лидеров – Франции, Германии и США.

специальной техники (ВВСТ) и боеприпасов у всех сторон;

- резкого удорожания средств ведения войны и несоразмерности стоимости решения военной задачи, когда «ракетой в 1–2 млн бьют по верблюду», а БПЛА – по танку стоимостью 5 млн или БЭК* – по судну за 3000 млн и т. д.;

- значения запасов ВВСТ и боеприпасов и роли военной промышленности в современной войне;

- роли военных технологий и бюрократии внедрения ВВСТ в войска;

- значения качества человеческого капитала военачальников и личного состава и т. д.

Из этого перечня следует неизбежный вывод о том, что практически все основные принципы военной стратегии и военной политики прошлых лет подлежат радикальному пересмотру [3]. Это, естественно, потребует немало времени и длительной работы. Похоже, однако, что в начале 2024 г. никто – ни в России, ни за рубежом – не спешит с окончательными обобщениями и выводами (во всяком случае публично), хотя корректировка в военной стратегии государств в 2024 г. необходима. В военном строительстве, где потребность быстрых корректировок ощущается острее, процессы в последние два года идут быстрее.

Надо признать, что отчасти уже в конце 2022 – начале 2023 г. в США (точнее – Министерстве Армии и конгрессе) стали делать самые первые шаги по внедрению более оперативной системы закупок ВВСТ и боеприпасов, когда контракты заключаются не на год, а на пять лет и более.

Это и понятно, ведь существовавшие запасы ВВСТ и боеприпасов в ходе СВО стали стремительно истощаться ещё в 2022 г. [9].

В список таких ВВСТ и боеприпасов вошли вооружения для сухопутных сил. Приоритеты долгосрочных закупок прямо связаны с прогнозом длительности войны на Украине и других регионах, а также приоритетами в вооружениях и боеприпасах.

«Большим преимуществом многолетних контрактов является то, что они обычно экономят много денег, вы стабилизируете промышленную базу и стабилизируете поставщиков, потому что вы, будем надеяться, сможете получить четырёх- или пятилетний контракт на что-то вместо одного года за один год», – заявил журналистам на круглом столе (21 ноября 2022 г.) Дуглас Буш, помощник министра армии по закупкам, логистике и технологиям (приложение).

Отсутствие масштабной дискуссии о военной политике и стратегии к началу 2024 г. тем не менее всё равно требует хотя бы самых предварительных оценок и самых общих выводов о развитии военной стратегии и военной политике США и их союзников как минимум на краткосрочную перспективу. Основные положения такой дискуссии, судя по немногим публикациям и результатам нечастых обсуждений 2022–2024 гг., сводятся к тому, что война в отсутствие единой (формально не утверждённой) военной стратегии западной коалиции будет характеризоваться так:

⁹ Фролов К. Оружейное сальдо: какой может быть стратегия Запада в отношении Украины в 2024 году? // Форбс. 2023. 28 декабря.

* БЭК – безэкипажное судно.

– активные военные действия продолжатся как минимум до конца 2024 г. (хотя поражение ВСУ может быть и раньше), но, вероятнее всего, до конца 2025 г.;

– весь год она будет позиционной, по аналогии с тем, что происходило в январе – марте 2024 г. (хотя и появляясь регулярно заявления об очередном контрнаступе, имеющим, как правило, пропагандистско-политическое значение, как мартовские диверсии в России 2024 г.);

– очень многое для ВСУ будет зависеть от сокращения поддержки Запада в области финансов, но особенно ВВСТ и боеприпасов, прежде всего от возможностей использования высокоточного оружия (ВТО) большой дальности и наличия артиллерии и боеприпасов;

– спектр силовых невоенных средств и мер, используемых Западом, будет расширяться и далее. Среди них важное место займут политико-дипломатические средства, в частности, имитация переговоров и попыток заморозить конфликт, снизив его активность на время, а также усиление применения других силовых, прежде всего информационных и финансово-экономических мер давления;

– планируется неизбежная эскалация в применении диверсионных и террористических средств (БПЛА, диверсионно-разведывательные группы и пр.), а также попытки внутриполитической дестабилизации политического режима в России, в том числе и с помощью террористических средств и методов, аналогичных акции в «Крокус Сити» (март 2024 г.).

Это самые общие предварительные оценки, которые, однако, не означают, что США и НАТО разработали какую-то конкретную, нормативно утверждённую, военную стратегию для блока и ВСУ на 2024 г. Вероятнее всего, она будет сформулирована к лету 2024 г. на саммите НАТО в Вашингтоне. Названные ориентиры в начале 2024 г. пока только контуры будущей стратегии.

Достаточно точно эту ситуацию можно сформулировать так: «После неудачи украинского наступления 2023 г. Украина и Запад оказались без внятной стратегии войны. Подспудно главной целью наступления было создание внутриполитического кризиса в РФ и как максимум смена режима в Москве. В сущности, Украина и Запад ещё весной 2022 г. поставили на джекпот, который не выпал, и теперь неясно, что делать дальше. Для Украины и Запада выбор между двумя вариантами: продолжать “войну против Путина” длительное время с неясными перспективами и постоянной угрозой эскалации или пойти на перемирие по корейскому образцу на условиях статус-кво. Оба варианта, по сути, предлагают откладывание реального мирного урегулирования на постпутинскую эпоху в надежде на “более реалистичное руководство в Москве”.

Пока что В. Зеленский, а также большая часть украинской элиты и “коллективный Запад”, отвергают “корейский” (или любой иной) вариант перемирия. Это означает, что в 2024 г. стороны намерены “дать войне ещё один шанс” и продолжить пробу сил уже в условиях позиционной борьбы для стресс-проверки ресурсных возможностей и политической воли» [10].

С точки зрения долгосрочной внешнеполитической стратегии Запада эта оценка не вполне точная. Она скорее ситуативная, тактиче-

¹⁰ Пухов Р.Н. От «специальной» к «военной» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2.

ская, но стратегические цели и задачи военно-силового противоборства с Россией, стоящие перед США и их союзниками, как следует из базового сценария развития МО (рис.), однако, никто не отменял. Поэтому и базовый сценарий развития ВПО на Украине будет ограничен этими рамками.

Переговоры могут стать исключительно тактическим средством продолжения военно-силовой борьбы, которая может закончиться компромиссом только при значимом военном результате, как минимум, относительной победе одной из сторон.

Проблема, кроме того, в том, что на Западе к концу 2024 г. должна победить одна из доминирующих политико-идеологических концепций во внешней политике: идеологический либерализм (глобализм), связанный в настоящее время с Дж. Байденом*, и прагматизм (реализм), которого придерживается другая часть правящей элиты США и Запада в целом. Внешнеполитическая и военная стратегия не только США, но и других стран Запада в конечном счёте в 2024 г. будет испытывать на себе результаты этого противоборства, в том числе и на выборах в США, и в ЕС, и в других странах.

Оба эти течения в США и Европе преследуют одну и ту же главную цель – сохранить контроль правящей элиты на Западе над военно-политической и финансово-экономической обстановкой в мире, т. е. обеспечить себе максимально благоприятные условия существования с помощью имеющихся у них силовых – военных и невоенных – средств и методов. Разница существует в подходах: в од-

ном случае США претендуют на лидерство в глобализации во всех областях, а в другом – на национальное лидерство, сугубо прагматическое, даже традиционное.

Среди таких средств и методов военная сила имеет важнейшее значение прежде всего в одной из своих форм – политико-психологической (угрозы, шантаж, создание «позиции силы»), самая опасная из которых (военное насилие) рассматривается в качестве крайней формы использования, потому что трудно контролируется.

Подход к выбору силовых средств у сторонников лидерства в глобализации и автаркии тоже разный. В первом случае предполагается универсальное лидерство и контроль во всех областях, а во втором – в тех, которые выгодны США.

Примечательно, что война тоже понимается по-разному.

В первом случае как использование военно-силовых средств в самом широком спектре борьбы – от «мягкой силы» до применения ЯО. Во втором – акцент делается на традиционных средствах: политико-дипломатических, военных, финансово-экономических. Очевидно, что позиция «глубинного государства» (вооружённые силы страны, ЦРУ, конгресса, бизнеса и пр.) достаточно компромиссная: оба лагеря примерно одинаково представлены не только среди республиканцев и демократов, но и среди чиновников и военных, а также крупного бизнеса.

Военные действия, вплоть до уровня применения ЯО, рассматриваются коалицией, прежде всего

* На самом деле представители этих политико-идеологических течений есть не только в обеих партиях, но и вне партий.

США, как крайняя и наименее желательная возможность перевода военного конфликта в глобальный конфликт, который, если и произойдёт, должен быть на территории Европы. Преимущественно и желательно – стран Восточной Европы.

Это положение, допустимое для США, естественно, не устраивает большую часть правящей европейской элиты, которая подвергнется в данном случае прямому риску.

«Естественным» прологом к такой войне может быть «большая война» в Европе. Именно поэтому идеи стратегии «большой сухопутной войны» на территории Европы без применения ЯО, как крайняя форма военных действий на украинском ТВД, вызывают откровенные опасения и дискуссии, угроза которой, однако, используется рядом западных политиков в качестве попытки силового давления на Россию.

Приоритеты стратегического планирования западной коалиции на Украине в 2024–2025 годах

Очень трудно понять военную стратегию и военную политику западной коалиции на Украине, которая постоянно противоречит в своих основных положениях. Чтобы представить себе конкретную внешнеполитическую и военную стратегию Запада на Украине в 2024 г., абстрагируясь от многочисленных деталей, дискуссий и субъективных оценок, лучше всего попытаться создать самую общую модель, обладающую, однако, безусловными практическими преимуществами*.

Главное её преимущество – долгосрочный и принципиальный характер предлагаемого приоритета, влияющего на разработку политики и стратегии западной коалиции в условиях формирования нового миропорядка [7, с. 22–24], а не реагирующего на многочисленные субъективные

особенности политического процесса и особенно военной логики.

Понятно, что такая модель будет страдать множеством недостатков прежде всего прикладного характера, который очень важен для стратегии на ближайшую перспективу, но тем не менее ещё важнее представить себе, хотя бы в общей форме, границы этой стратегии. Эти границы всего виднее, исходя из представлений о стратегическом планировании.

В этом качестве предлагается использовать уже готовую модель, в которой описаны контуры внешнеполитической стратегии и подход к стратегическому планированию на Западе, во многом совпадающие с предыдущими, перечисленными выше оценками**, а может быть, и конкретную персональную концепцию авторитетного специалиста. Она

* Учитывая революционные изменения в военной стратегии последних лет, можно выбрать одну из многочисленных моделей (Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии).

** Это может быть нормативная или иная модель, например, утверждённая в качестве официального документа (National Military Strategy of the United States. 2022 // URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/NMS%202022%20_%20Signed.pdf).

описана, хотя и неполно, например, одним из авторитетных специалистов – почётным руководителем отдела стратегии Международного института стратегических исследований (CSIS) [11], Э. Кордсманом, который её назвал «приоритетами» стратегического планирования, «проблемой № 1» в американской политике*.

Эти приоритеты говорят в пользу того, что в США формируется новая концепция использования военной силы, которая имеет прямое отношение к будущей военной стратегии на украинском ТВД, хотя пока что и не претендует на детальное оформление и нормативное закрепление. Важно отметить несколько принципиальных аспектов этих приоритетов стратегического планирования, потому что они помогут избежать существующих многочисленных и размытых трактовок военной стратегии США. Особенно в связи с позицией ряда стран ЕС, которые формируют свою, относительно самостоятельную политику и стратегию [12].

Во-первых, говорится в документе Э. Кордсмана, они должны быть адаптированы к фактическому развитию российской угрозы, а также к полной сетевой оценке того, каковы российские расходы и возможности развития России на самом деле, а также её реакция на войну на Украине с течением времени.

Цель – прагматическая. Она состоит в том, чтобы создать наиболее

экономически эффективную структуру ведения боевых действий, а не решить все проблемы.

Это также должно отразить необходимость по-разному относиться к конкретным странам НАТО и представлять приоритеты таким образом, чтобы удовлетворить как национальные потребности, так и потребности НАТО.

Это – прямой призыв к прагматизму и признанию реальных возможностей России, в том числе и военной области, т. е. не надо переоценивать российскую угрозу и характер развития страны, чтобы создать эффективную экономически модель противоборства, а не финансировать все возможные направления.

Иными словами, первый приоритет и принцип стратегического планирования должен быть **прагматизм, соответствующий эффективной экономической модели развития США**. Война в этом случае выступает просто частью силовой политики, а не целью, достижение которой требует неограниченного количества ресурсов и рисков.

Во-вторых, приоритет «не состоит в том, чтобы пытаться решить все проблемы НАТО и ЕС» в конфликте на Украине.

«Надо ограничиться некоторыми из них, “самыми прикладными”». Рекомендации, сделанные в отношении изменений в методах НАТО, а

¹¹ Глобальный прогноз. Разделение мира. Январь – февраль, 2024 // URL: <https://features.csis.org/global-forecast-2024/>

¹² Боррель Дж. Мюнхенская конференция по безопасности: четыре задачи геополитической повестки ЕС // Официальный сайт Европейского союза. 25 февраля 2024 г. // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/munich-security-conference-four-tasks-eu%E2%80%99s-geopolitical-agenda_en

* В России существует более подробный и нормативно принятый аналог «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации», утверждённый Указом Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633.

также планирования и развития национальных сил, не означают, что НАТО может решить любую проблему или что страны НАТО могут (или будут) тратить достаточно средств, для решения всех наиболее важных проблем.

Отсюда вывод: не следует реагировать на все потенциальные возможные угрозы и рассматривать любые шаги со стороны России как угрозу, не стоит работать над всеми программами, а надо выбрать наиболее приоритетные. Задачи национального развития могут противоречить задачам реализации военных программ.

Э. Кордсман справедливо считает, что «их необходимо применять таким образом, чтобы принять тот факт, что конкуренция с гражданскими расходами часто будет означать жёсткие компромиссы относительно того, чего можно достичь с течением времени», и что «более крупная и развитая держава должна будет поддерживать меньшие и более бедные государства» [11].

Надо также понимать, что абсолютно точных решений выбора ВВСТ быть не может: «Нет чёткого ответа на вопрос “сколько достаточно”, или на то, как следует распределять бремя. **Цель состоит в том, чтобы “найти лучшие компромиссы и улучшить общие усилия”**».

Налицо опасение, что бесконтрольное соревнование в области производства ВВСТ и боеприпасов может стать слишком обременительным и превратиться в самостоятельную цель, препятствующую развитию. Очевидно, что это – откровенный призыв к компромиссу. И не только внутри НАТО, где есть разные позиции, но в отношении общей стратегии коалиции [9].

В-третьих, важнейшим приоритетом становится оптимизация во-

енной политики и стратегии, её адаптация к нуждам развития.

Э. Кордсман справедливо полагает, что список приоритетов совершенствования основных сил на первый взгляд может показаться устрашающим, но это список, с которым всегда пытаются справиться многие страны НАТО, и масштаб усилий снова должен быть адаптирован к отражению реальной российской угрозы, которая уже показала, что прошлые оценки разведки резко преувеличены. Иначе говоря, опять нужен рациональный подход, соответствующий масштабам российской угрозы, а не оценкам (завышенным) разведки.

Цель должна заключаться в том, чтобы с течением времени реагировать как можно более эффективно, одновременно признавая необходимость реагирования на требования гражданских расходов.

«Хорошо управляемые и реалистичные планы и бюджет будут иметь решающее значение, а ограничение роста затрат и технических рисков будет не менее важным» [11].

Окончательный общий знаменатель таков: все эти приоритеты включают в себя «постоянные изменения в военных технологиях и методах ведения войны, которые взаимодействуют и обусловлены реальными политическими событиями» [11].

В-четвёртых, не отрицая, в принципе, долгосрочного характера стратегического планирования), делается практический вывод о том, что в современных условиях необходимо исходить из краткосрочных прогнозов и планирования.

«Существует тенденция пытаться планировать слишком далеко в будущее или создавать фиксированные

рованные планы, как будто непредвиденные ежегодные события, изменения в стоимости и технологиях не изменяют необходимость определённых усилий. По большому счёту даже предположение о том, что понадобится на пять лет вперёд, сопряжено с высоким элементом риска, поэтому эффективное планирование сил должно быть упреждающим на ежегодной основе» [11].

Важно, что эта оценка американского эксперта в целом отражает наиболее реалистический и адекватный подход к проблеме, во многом избавленный от пропаганды и политической публицистичности. Его можно представить в качестве наиболее реалистической концепции стратегического планирования военной стратегии западной коалиции на краткосрочную перспективу. Если, конечно, она не будет находиться под абсолютным влиянием либерального идеализма.

Эта модель концепции стратегического планирования военной политики и военной стратегии западной коалиции:

- требует реальной оценки российских действий, подходов и возможностей нашей страны, призывая к стратегии «максимальной экономической эффективности» и «ведения боевых действий»;

- эта западная стратегия не должна претендовать на «решение любой или всех проблем», т. е. не должна быть глобальной с точки зрения постановки и решения всех задач;

- для этой стратегии необходим поиск лучших, наиболее эффективных и «компромиссных» решений;

- «приоритеты» должны быть «адаптированы к масштабам российской угрозы»;

- военные планы и риски должны соответствовать реальным угрозам;

- эффективное планирование и оценка рисков должно быть в конечном счёте краткосрочным (а не на пять и более лет).

Надо сразу оговориться, что в НАТО только частично была воспринята эта рекомендация: там сохранилось долгосрочное (на 10 лет) планирование, особенно в ЕС, но одновременно были сделаны практически поправки на тактические изменения. Противоречивость в этом подходе, в частности, проявилась в решениях НАТО 2023–2024 гг., когда, с одной стороны, принимались долгосрочные и масштабные планы военного строительства и развития инфраструктуры, а с другой – краткосрочные оперативные решения, ориентированные на потребности сегодняшнего дня.

Таким образом, рекомендации ведущего эксперта, которые взяты в качестве базовой модели стратегического планирования военной стратегии США на 2024 г., в конечном счёте сводятся к **прагматической корректировке стратегии Запада в направлении её оптимизации и практической адаптации к военно-политическим и финансово-экономическим реалиям 2024 г.**

Военная стратегия не должна преувеличивать действительные риски военных угроз, исходящих от России, но в то же самое время отнюдь не должна быть ориентирована на снижение интенсивности военных действий, которые необходимо «оптимизировать», в том числе и в целях максимального использования возможностей ВСУ. Похоже, что военная стратегия западной коалиции должна приспособиться к такому представлению о войне, которое в наибольшей степени соответствует не столько до-

стижению конкретных военных целей, сколько созданию оптимальных условий для существования и развития членов западной коалиции.

Эти теоретические рекомендации не вполне совпадают с действиями, которые последовали в конце 2023 и начале 2024 г., прежде всего с точки зрения эскалации политической риторики и угроз со стороны большинства руководителей стран НАТО. Но – и это подчёркивается в тезисах о стратегическом планировании – риторика имеет мало общего с реальной политикой и стратегией. Она существует отдельно, а военная стратегия, военная политика и бизнес – отдельно.

Данное противоречие может говорить о том, что:

- в начале 2024 г. западные руководители сознательно повысили градус полемики, чтобы продемонстрировать свою поддержку ВСУ и готовность участвовать даже на стороне Украины в военных действиях с целью добиться от России согласия на временное замораживание конфликта, на формальное перемирие и переговоры в условиях продолжения военных действий. Эта риторика стала реакцией на потери и неудачи ВСУ в конце 2023 – начале 2024 г.;

- трезвые, прагматичные рекомендации, аналогичные приведённым документам, оказались на какое-то время публично отвергнутыми в силу временной политической конъюнктуры, в частности, будущих американских выборов.

Таким образом, общая публичная и экспертная оценка состояния ВПО на украинском ТВД и стратегии Запада складывается из большого числа факторов и тенденций. Но прежде всего представляется необходимым выделить из них различные

субъекты военно-политической западной коалиции, политика которых в отношении России и Украины будет в 2024–2025 гг. несколько отличается друг от друга. Как минимум речь идёт о:

- позиции главного неформального субъекта вооружённой борьбы на Украине – широкой западной военно-политической коалиции, в которую входят не только 32 государства – члены НАТО и члены ЕС, но и целый ряд других государств, включая нейтральные страны;

- таких относительно самостоятельных субъектах – международных организациях (коалициях), как НАТО и ЕС, обладающих определённой спецификой в деятельности и политике на Украине;

- отдельных государств – членах коалиции НАТО и ЕС, позиции которых по ряду вопросов отличаются от позиций «больших» субъектов;

- субъектах, которые не входят в широкую коалицию, но участвуют в той или иной степени в её политике (например, Швейцарии, Японии, Австралии и др.). Их позиция может меняться в том числе и радикально в 2024–2025 гг. в пользу США и НАТО;

- кроме того, можно выделить и позиции некоторых негосударственных акторов, прежде всего, международных институтов и бизнеса, которые влияют на формирование ВПО и стратегию США и НАТО.

Развитие ВПО на украинском ТВД и формирование отношений Украины с США и союзниками во многом предопределяется политическими, финансово-экономическими и особенно военно-техническими возможностями всех членов западной военно-политической коалиции. Их недостаток в 2024 г. – основная

причина краха* западной стратегии, а именно провал нанесения поражения России «стратегического поражения», которое для США имел бы огромное геополитическое значение, совершенно безотносительно ситуации на Украине, потому что мгновенно отразится на позициях США в других регионах планеты.

Вашингтону нужно продемонстрировать всему миру, прежде всего Китаю, что Америка способна жёстко наказать тех, кто бросает ей вызов, и тем самым восстановить веру в своё могущество, которое стало девальвироваться после поддержки Россией Сирии, африканской экспансии ЧВК России, постепенным вытеснением позиций США в мире.

План «А» США и их союзников заключался в разрушении финансов, экономики и государства в России за первую половину 2022 г. с помощью «адских санкций» и развала финансовой системы страны. Экономический блицкриг в 2022 г., однако, провалился. Его военной вариацией в 2023 г. стала идея военного разгрома Вооружённых сил России в результате наступлений ВСУ, обеспеченной в том числе новой техникой, наёмниками, советниками, средствами разведки, связи и логистики НАТО. И первый, и второй этапы плана «А» показали, что система государственного, политического и военного управления России

оказалась устойчивой, способной перейти от обороны к нападению в 2024 г., а ОПК вполне дееспособным и, более того, способным к вероятному наращиванию наступательных возможностей до конца 2024 г.

Также безрезультатно оказалось экономическое и политико-административное давление на Россию в 2023 г. по всему спектру международных институтов и организаций. Признание этого наступило фактически после неудачи контрнаступления летом 2023 г., когда медленно стала меняться стратегия всей коалиции уже на саммите НАТО в Вильнюсе.

Саммит в Вильнюсе включил план «Б» и показал, что США уже не надеются на «чистую победу».

Теперь Вашингтон играет вдолгую – он намерен снова стать не только такой военной силой, которой более никто не решится бросить вызов, но и победить по очкам в системном силовом противоборстве, точнее, в создании для себя максимально благоприятных внешних условий ведения войны. Но для этого нужны дополнительные военно-технические ресурсы, которых не будет в требуемых количествах как минимум до 2025 г. Поэтому нужно переходить к стратегии активной обороны силами ВСУ и поддержки Запада. Это – другая, более адаптированная к реалиям стратегия.

Конфликт на Украине США постараются сделать бессрочным (как минимум – длительным) и использовать, с одной стороны, для ослабления России, а с другой – как предлог для быстрого превращения НАТО из структуры для точечных операций в отдалённых регионах мира в реальный инструмент глобальной войны и, соответственно, глобального доминирования в мире в интересах США.

* В США сохранились неиспользованные большие запасы ВВСТ и боеприпасов, которые могли бы быть переданы ВСУ, но остались на складах. Вероятная причина – опасения руководства ВС США, что им (в случае чрезвычайных обстоятельств) не хватит этих запасов для собственных нужд.

Сначала в Европе – против России, а затем военная сила должна начать проецироваться на Азию – уже против Китая. Это может происходить в 2024–2025 гг. даже одновременно. По оценке главы Военного комитета НАТО адмирала Р. Бауэра, на такую трансформацию блоку потребуются годы. Всё это время конфликт на Украине должен продолжаться, поэтому США будут делать все, **чтобы не допустить явной победы России в 2024 г.** Вашингтон может пойти на некоторую заморозку конфликта, но с условием, чтобы она не соблюдалась до конца. Как это было на Донбассе с 2014 по 2022 г.

Учитывая ограниченность собственно военно-технических возможностей влияния на военный конфликт на Украине у большинства членов коалиции, акцент прежде всего будет делаться на политико-дипломатическую, военно-техническую и иную силовую, т. е. не столько на прямую военную поддержку Украины и ВСУ, сколько на косвенную, т. е. как на блоковую, системную, коалиционную стратегию на основе НАТО и ЕС, «расширенные коалиции», так и на традиционной для США двусторонней основе отношений с отдельными странами.

В этих целях, в частности, США и страны ЕС будут формировать разного рода коалиции (танковые, дроновые, артиллерийские, авиационные и пр.^{*}), в которых будут принуждать участвовать широкий круг стран. В некоторых таких коалициях уже числится до 50 государств. Это будет своего рода «широкий кооператив», который сможет поставлять на Украину самый разный спектр товаров на самых разных политических и финансовых условиях. Именно это происходило в 2022–2023 гг. прежде, когда под нажимом США разные страны обеспечили поставки ВВСТ и боеприпасов на Украину в огромных масштабах.

Задача США в 2024 г. – максимально консолидировать и перенаправить все оставшиеся ресурсы союзников и партнёров, т. е. более 50 государств – членов западной военно-политической коалиции, а также разных контролируемых ими акторов – от НПО и университетов до корпораций и отдельных граждан, против России, «заставить их (как откровенно заявил Д. Трамп) воевать с Россией».

Таким образом, 2024 г. в стратегии западной военно-политической коалиции будет годом консолидации, оптимизации и использования самых разных сил против России, собственно военной частью которой будет активная оборона и попытки контрнаступления на отдельных направлениях СВО, сопровождаемые ударами ВТО большой дальности, диверсионными и террористическими операциями.

* В частности, 23 января 2024 г. в Вашингтоне состоялась первая рабочая встреча новой коалиции. Контактная группа Запада по поставкам оружия Киеву обсудила на совещании в том числе создание коалиции по дальнейшему развитию Вооружённых сил Украины (ВСУ). Об этом заявила помощник министра обороны США по делам международной безопасности С. Уолландер. «Часть сегодняшней встречи сфокусирована на будущих вооружённых силах Украины и оценке способности коалиции поддерживать украинские силы обороны», – сказала она, выступая на специальном брифинге для журналистов по итогам очередного заседания созданной Западом контактной группы по координации поставок Киеву оружия и военной техники. По словам Уолландер, страны – участницы группы намерены в тесном сотрудничестве с Украиной создать «грозную боевую силу, которая сможет защищаться и противостоять будущим угрозам со стороны Москвы».

Приложение

Окончательный список палаты представителей и сената США включал следующее оружие, которое позже, в 2023–2024 гг., имело принципиальное значение не только на Украине, но в Газе и других регионах:

- 864 000 XM1128, XM1113, M107 и M795 (155-мм патроны);
- 12 000 совместных ракет класса «воздух-земля» AGM–179 (JAGM);
- 700 M142 HIMARS;
- 1700 ATACMS;
- 2600 гарпунов;
- 1250 морских ударных ракет;
- 106 000 управляемых ракетных систем залпового огня (GMLRS);
- 3850 единиц оружия улучшения ракетного сегмента PAC-3;
- 5600 FIM – 92 «Стингер»;
- 28 300 FGM – 148 «Джавелин»;
- 5100 усовершенствованных ракет класса воздух-воздух средней дальности AIM-120;
- 2,2 млн модульных артиллерийских зарядных систем;
- 12 050 M982A1 «Экскалибур»;
- 950 ЛРАСМ;
- 3100 ДЖАССМ;
- 1500 стандартных ракет-6 (CM-6);
- 5100 ракет «Сайдвиндер» (AIM–9X) [¹].

¹ Роке Э. Представители конгресса и сената согласились на многолетние закупки боеприпасов // Срочные военные новости, 07.12.2022 // URL: <https://breakingdefense.com/2022/12/house-senate-defense-authorizers-agree-to-multi-year-munition-buys/>

Библиография • References

Боррель Дж. Мюнхенская конференция по безопасности: четыре задачи геополитической повестки ЕС // Официальный сайт Европейского союза. 25 февраля 2024 г. // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/munich-security-conference-four-tasks-eu%E2%80%99s-geopolitical-agenda_en

[*Borrel' Dzh.* Myunhenskaya konferenciya po bezopasnosti: chetyre zadachi geopoliticheskoy povestki ES // Oficial'nyj sajt Evropejskogo soyuza. 25 fevralya 2024 g. // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/munich-security-conference-four-tasks-eu%E2%80%99s-geopolitical-agenda_en]

Глобальный прогноз. Разделение мира. Январь – февраль. 2024 // URL: <https://features.csis.org/global-forecast-2024/>

[Global'nyj prognoz. Razdelenie mira. Yanvar' – fevral'. 2024 // URL: <https://features.csis.org/global-forecast-2024/>]

Коголов С. США создали коалицию из 54 государств для накачки Украины оружием // Российская газета. 2024. 30 января.

[*Kogalov S.* SSHA sozdali koaliciyu iz 54 gosudarstv dlya nakachki Ukrainy oruzhiem // Rossijskaya gazeta. 2024. 30 yanvarya]

Подберёзкин А.И. Будущее миропорядка до 2035 года // Обозреватель–Observer. 2023 № 6. С. 22–41.

- [Podberyozkin A.I. Budushchee miroponyadka do 2035 goda // Obozrevatel'—Observer. 2023 № 6. S. 22–41]
- Подберёзкин А.И., Тупик Г.В. Современные средства и меры военной политики и их влияние на развитие государственной и военной стратегии // Развитие теории и практики военной стратегии: Сборник материалов военно-научной школы. М.: ВАГШ ВС РФ, 2024. – 228 с.
- [Podberyozkin A.I., Tupik G.V. Sovremennyye sredstva i mery voennoy politiki i ih vliyaniye na razvitiye gosudarstvennoy i voennoy strategii // Razvitiye teorii i praktiki voennoy strategii: Sbornik materialov voenno-nauchnoy shkoly. M.: VAGSH VS RF, 2024. – 228 s.]
- Полная стенограмма послания Дж. Байдена «О положении в Союзе». 08.03.2024 // The New York Times // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.579891a2-66152549-00a817ad-74722d776562/https/www.nytimes.com/2024/03/08/us/politics/state-of-the-union-transcript-biden.html?__ya_mt_enable_static_translations=1l
- [Polnaya stenogramma poslaniya Dzh. Bajdena «O polozhenii v Soyuze». 08.03.2024 // The New York Times // URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.579891a2-66152549-00a817ad-74722d776562/https/www.nytimes.com/2024/03/08/us/politics/state-of-the-union-transcript-biden.html?__ya_mt_enable_static_translations=1l]
- Послание Президента Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>
- [Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>]
- Пухов Р.Н. От «специальной» к «военной» // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 2. С. 21–36.
- [Puhov R.N. Ot «special'noj» k «voennoj» // Rossiya v global'noj politike. 2024. T. 22. № 2. S. 21–36]
- Роке Э. Представители конгресса и сената согласились на многолетние закупки боеприпасов // Срочные военные новости, 07.12.2022 // URL: <https://breakingdefense.com/2022/12/house-senate-defense-authorizers-agree-to-multi-year-munition-buys/>
- Таки В.В. Принуждение к равенству // Россия в глобальной политике // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prinuzhdenie-k-ravenstvu/>
- [Taki V.V. Prinuzhdenie k ravenstvu // Rossiya v global'noj politike // URL: <https://globalaffairs.ru/articles/prinuzhdenie-k-ravenstvu/>]
- Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>
- [Ukaz Prezidenta RF ot 8 noyabrya 2021 g. № 633 «Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoy politiki v sfere strategicheskogo planirovaniya v Rossijskoj Federacii» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47244>]
- Фролов К. Оружейное сальдо: какой может быть стратегия Запада в отношении Украины в 2024 году? // Форбс. 2023. 28 декабря
- [Frolov K. Oruzhejnoe sal'do: kakoj mozhet byt' strategiya Zapada v otnoshenii Ukrainy v 2024 godu? // Forbs. 2023. 28 dekabrya]
- National Military Strategy of the United States. 2022 // URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/NMS%202022%20_%20Signed.pdf
- Whitman J.O. Verdict of Battle: The Law of Victory and the Making of the Modern War. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 300. – 366 p.

Статья поступила в редакцию 2 апреля 2024 г.